

СТИХИ РУНЕТА

С
Т
Е
Ф
А
Н
И
Я

ПОД НЕБОМ РУССКОГО ЦВЕТА

Д
А
Н
И
Л
О
В
А

НЕ ИГРА В ГОРОДА

Москва
Издательство АСТ

УДК 82-145
ББК 94.4
Д18

Серия «Стихи РУНЕТА»

Д18 Данилова, Стефания
Под небом русского цвета. Не игра в города / Стефания Данилова. — Москва: АСТ. — 2024. — 224 с. — (Стихи Рунета).

ISBN 978-5-17-163229-8

Эта книга — об искусстве любить Россию и принимать её любовь. О том, как слова «широка страна моя родная» приобретают объём, когда жмёшь ветвь и карельской сосне, и сочинской пальме, словно руки друзьям. Махачкалинские облака-аксакалы, тверской жасмин у Дома Поэзии, аршинцевские заброшенные пляжи, Выборгские поющие ангелы на крышах, Оренбургские факелы газоперерабатывающего завода — то ли герои книги, то ли её соавторы. Истории, которые захотели быть услышанными, проступили сквозь кирпич и брусчатку, асфальт и горячую землю, старинные вывески и неоновые огни.

УДК 82-145
ББК 94.4

ISBN 978-5-17-163229-8

© Стефания Данилова, текст, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Какое небо, милый Бог, ты мне
нарисовал...*

Алексей Витаков

*Посвящается дорогой Анне
Давыдовне Пугач-Дементьевой.
Спасибо за всё!*

МНЕ НРАВИТСЯ...

В стихах Стефании Даниловой есть главное, что необходимо поэту. Во-первых, яркое, многомерное, многогранное, почти вещественное чувство родного слова. Это дается только от природы и научить этому нельзя. Можно лишь усовершенствовать дар. Во-вторых, у нее есть внутреннее смятение, священный трепет перед несказанностью того, что снаружи, и перед невысказанностью того, что внутри тебя. Это важно! Наконец, она обладает творческим мужеством: после тысяч и тысяч тех, кто пытался выразить себя в мире и мир в себе с помощью «бедного земного наречия», — сказать что-то свое. Поступок отчаянный, почти безнадежный, но если... И Стефания из тех немногих, кому это «если» оказалось по плечу.

Мне нравится в стихах Даниловой многое. Нравится, как она работает со словом, играя корнями, значениями, ища символику в созвучиях и странных сближениях далеких смыслов. Да, это было у Цветаевой. И замечательно. Мне нравится, что она ломает ритм, хулиганит со строфикой, лихо экспериментирует с метрикой. Да, это было у Маяковского, Заболоцкого, Вознесенского, Бродского... И прекрасно. Почему? Смотри выше. Мне нравятся ее богатые, замысловатые, всеядные рифмы, иногда эпатажные, иногда нарочитые, но всегда работающие на заострение текста. Привет от Хлебникова и Евтушенко? Так что же? Мне нравятся дерзкие метафоры и сравнения Стефании, иные из них вызывают профессиональное чувство зависти: «Ну и завернула, голубушка!» Однако, на мой вкус, чрезмерная образность лучше, нежели метафорическая анемия. Мне нравится, что Стефания старается расширять вербальный мир своих строк, вытягивая,

как пылесосом, из речевой жизни новые, еще не освоенные поэзией слова, обороты, выражения, сленговый стеб, окаянные окказионализмы... Мне нравится чуткая современность, тонкая отзывчивость Стефании, она, как Эолова арфа на микрочипах. Мне нравится воспаленный лиризм Даниловой, ее попытки препарировать любовные чувства по живому, когда она не щадит ни свою лирическую героиню, ни ее избранников, ни читателя... А как иначе? Любовь — это парное одиночество.

У Даниловой есть характерная для поэта, едущего на ярмарку творчества, жадность до внешнего мира, стремление увидеть и запечатлеть в слове роскошь цветастой кожуры Земного шара. Не случайно разделы этой книги, похожей, скорее, на первое избранное, названы именами городов, разбросанных по всей планете, но преимущественно по бескрайней России, глубинную, кровную связь с Родиной она остро чувствует, а это тоже важное условие для становления художника. Не случайно Стефания оказалась в той когорте современных стихотворцев, которые горячо и искренне откликнулись на беспощадную схватку за Русский мир. Во стане русских воинов всегда были не только певцы, но и певицы.

Стефания Данилова не новичок на ниве отечественной словесности. Она автор нескольких сборников, ее имя известно тем, кто любит читать и слушать стихи, она одна из знаковых фигур в поэтическом Интернет-пространстве. В ее активе полдюжины литературных премий. Одну из них — имени выдающегося русского поэта Андрея Дементьева она получила из моих рук. О таких, как Данилова, говорят: состоявшийся поэт. Но в том-то и заковыка творчества, что, начиная каждое новое стихотворение, ты опять и опять должен доказывать читателю свою состоятельность, ибо самовыразиться в искусстве можно только через мастерство. Опасность

«быть единственным, а написать совершенно другого поэта», как выразился мой учитель Владимир Соколов, преследует человека пишущего ежедневно, ежечасно, всю жизнь. Что же делать? «Не позволять душе лениться», как советовал другой классик.

Юрий Поляков — писатель, поэт, общественный деятель,
секретарь Союза писателей России,
председатель Национальной ассоциации драматургов,
член Общественного совета Министерства обороны РФ,
лауреат премий Правительства РФ в области культуры
и Премии им. Маяковского

«И ЭТО Я ЕЩЁ ОЧЕНЬ МНОГО ГДЕ НЕ БЫЛА»

«Поэта далеко заводит речь...» Стефанию Данилову поэзия водит по России, и та одаривает её сокровищами:

*костяной амулет из саамской деревни,
музыкальная шкатулочка с невской песней,
вечнозелёная хвоя Пушкиногорья...*

(«Сокровищница»)

«Под небом русского цвета» — книга путешествий, а лучше — книга-путешествие. Поэзия Стефании Даниловой находит себя саму в перемещениях из одного семинара на другой, из конкурса на конкурс, с концерта на концерт. Данилова из тех, кто обладает даром выходить немного другой из любой жизненной ситуации, обновляться после каждого знакомства, меняться, не изменяя себе. Её личность может вместить больше, чем это бывает обычно, у других людей, сколь угодно восприимчивых и чутких. А стихам присуща особая гибкость, а поэтический слух изощрён на улавливание ломавшегося, становящегося — и сформировавшегося голоса поколения. Голосом которого стала сама Данилова. Да, голос голоса, как когда-то судьба судьбы у Булата Окуджавы.

Поколения, свободно читавшего Ахматову и Гумилёва, Мандельштама и Заболоцкого. Поколения, слушавшего рэп и привыкшего к слишком вольным созвучиям, от которых морщатся старшие поэты. Однако русский рэп — дитя лесенки Маяковского, что уж мор-

щиться... Вот она, эта манера в нескольких строчках, пусть звучит сама за себя:

*Потому что взрывает штормом бездумность штиля.
Потому что и радость случается от ума,
от случайного смысла, отсутствия книжной пыли
компромиссы на раз превращаются в комфомат.*
(«Потому что »)

Но прошло десять или семь лет, и Данилова естественно, как и любой русский поэт, пришла к классической мере. Другое дело, что классика — тоже материя становящаяся, и она трансформируется, не застывает. Классика не отказывается, не объявляет чего-либо «несовременным», поэтому не устаревает и сама. А что обновляется — да, обновляется, со времён Державина в этот океан натекло много слов.

*Узор на кирпичных домах —
Как на вязаном свитере
Дороги — листы блокнота
Их разбросал Пушкин с неба
Так пиши себя набело*
(«Пушкиногорский этюд »)

Здесь «писать» очень похоже на «жить». У Даниловой, во всяком случае, пока, дистанция между жизнью и искусством скорее небольшая, хотя достаточная, чтобы речь звучала необыденно, чтобы жизненные коллизии превращались в поэтический опыт:

*Ноги отмороженные побегами от себя
Суну в эти следочки*

*Пойду из мегаполисов и дедлайнов
В дремучий лес да по бабушкиной избе
Уменьшающимися ножками*

(«Следочки ТатьянаОлегны»)

А опыт раскрывается уже в совершенно иной, горделиво-полногласной строфе, парадоксально напоминающей при этом начальный этап творчества:

*Изумрудной ковровой дорожкой ложатся мхи
и душистая хвоя. Счастье не за горами.
К синему пламени глаз подлетят стихи
беспокойными, приставучими комарами.*

(«Мхи и хвоя»)

Всё пребывает в вечном движении, равное самому себе и многомерное. Движение по стране — движение по судьбе — движение по литературе... Но как ни двигайся, всегда остаётся много мест, где ты ещё не побывал.

**Вера Калмыкова — кандидат филологических наук,
член Союза писателей г. Москвы, искусствовед**

В Что такое «любить Россию?» Такой пустяк —
Ы по родителям и двухсотым смолить взятяг,
Б посещая исправно книжную лавку, бар,
О кухни друзей и свой же ночной кошмар.
Р Может, не до конца понять, но суметь простить
эти тоску древнерусскую, русский стиль,
скачущий от небоскрёба до гаража.
Потянуться похмельным утром: жизнь хороша...
И побежать в парке дождливом кросс.
Самому становиться ответом на свой вопрос.
От собора завод можно не отличать,
Как стихи из стола — то ли в печь их, то ли в печать...
Ненавидеть — взахлёб, наотмашь и наизусть.
И любить — точно так же. Всё остальное грусть.
Принимать и Калининград, и Владивосток.
То ли в бочке затычкой, то ли иглой в стог.
Тридцать лет лежать на диване, как на печи —
а в решающем споре стать тем, кто не промолчит.
То ли воду — вином, то ли вино — водой.
Над собою смеяться. Рыдать над чужой бедой.
Что такое любовь к России в себе таит?
Не «нет выбора».
А «выбор тут не стоит».

12.11.2023

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Я выросла в доме № 85 по проспекту Народного Ополчения, где сочиняла первое неловкое фэнтези о цветочках и котиках с руками и ногами, где носила мальчишескую стрижку и погасший взгляд, где потеряла самого родного человека — бабушку, которую наркоман, избив и украв пенсию, сделал инвалидом в мои 12. К этому дому я езжу как паломник, раз в полгода. Это место моей страшной силы. Лучше, чем в достопримечательностях, я ориентируюсь в окраинных ТЦ, книжных развалах, блошиных рынках и комиссионках. Меня вырастили Крупа и Уделка, а мои глаза цвета воды у старого причала близ метро Пролетарская. Можно увезти меня из Питера, но не Питер из меня. Он научил меня помнить, что другой конец моста всегда в тумане, но туда нужно идти. Что на любой паршивости прошлое легче всего смотреть с питерских ржавых крыш. Что со мной произойдут там худшие истории, чтобы не повториться впредь. Я научусь в Питере быть несчастной, чтобы выбирать тех, кто не позволит мне это умение практиковать. За всё лучшее в жизни я заплачу слишком высокую цену, потеряв возможность видеть печальные глаза моего города каждое утро. И в каждом сне буду мелкой монеткой, бесконечно падающей на дно двора-колодца.

М Я останусь с тобой.
У Даже если уеду куда.
Ж А любые места ведь сегодня не столь отдалённые.
Ч Даже если за очень сухое, некрепкое «да»
И я последую за человеком, в меня не влюблённым.
Н Я останусь с тобой
А продолжать обо всём разговор
поцелуем на площади старой предутренним часом.
Ты — по крышам крадущийся ливнем невидимый вор
предпочтений людей, кто когда-то с тобой
повстречался.

П Я останусь с тобой.
О Даже если умру на кресте,
что сколочен на скорую руку для тех, кто не понят.
На каком километре, какой соловецкой версте
мне тебя, как молитву, придётся отчаянно
вспомнить?

И Я останусь с тобой.
М Ты запомнишь меня на века
Несразимой бунтаркой, чей взгляд изумрудно-
Е скандалящ.
Н Что умеет есенински пить и себя подвергать
И самым взрывоопасным из ныне известных скиталищ.
Я останусь с тобой,
П даже если предложат Париж.

П С жёлтых щёк этих свеч слёзы грусти никто
И и не вытер
Т на чужой стороне. Я роднее тебе, говоришь,
Е многих кровных детей, мой мужчина по имени
Р Питер.

2013

Китайский фонарик в ночи над Марсовым
полем
мирно летел, пожара не предвещая.
Я тебе заплетала косу. Ты был доволен.
Ты учил меня обращаться с семью вещами:
речью, мужчиной, влюблённостью, силой воли,
вниманием зала, прощением и прощаньем.

Я собиралась с тобой запустить такой же
китайский фонарик с письмом тому, кто
создал нас,
но горелка в мешке отсутствовала. Похоже,
огня между нами быть не могло как данности.
Ты взял меня прямо там. Трава проросла
в кожу.
Я никогда так глупо не попадалась.

Я ничему тебя не учила, юности кроме,
жаркой, смешной, слегка совершеннолетней.
Если б мы даже были единой крови,
мы бы любили друг друга, плюя на сплетни
с башни, где занимались большой любовью.
Но мы, увы, действительно канули в лете,

хоть и была эта ваша Лета довольно мелкой,
как ров Инженерного замка, откуда Павел
смотрел и знал, что мой фонарик — подделка,
как знал и день, когда ты меня оставил.
С небесного потолка крошилась побелка.
А себя через Лету ты всё-таки переправил.